

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Д.М. Борисова
г. Москва, Россия

ОБРАЗ М.А. БУЛГАКОВА В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: “Повесть о жизни”»
(URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01479/>)

Автор выражает благодарность коллективу Музея К.Г. Паустовского (г. Москва)
за помощь в работе

Аннотация: К.Г. Паустовский был знаком с М.А. Булгаковым со времени обучения в Киевской Первой гимназии (1904–1912). На основе анализа эго-документов мы восстановили обстоятельства общения писателей и дальнейшие отношения Паустовского с Е.С. Булгаковой. Паустовский всегда оставался почитателем таланта Булгакова, содействовал возвращению его творческого наследия читателям, неоднократно упоминал его в художественной прозе и в публицистике, неизменно вписывая в ряд признанных классиков.

Особый интерес для исследователя представляет автобиографический цикл «Повесть о жизни». В частях «Далекie годы» (1946) и «Книга скитаний (На медленном огне)» (1963) представлена художественная биография Булгакова, создан образ непонятого и непризнанного своей эпохой гения. Посвященная творческому пути писателя глава «Снежные шапки» («Книга скитаний») подверглась значительным цензурным сокращениям и впоследствии не публиковалась в авторском варианте. В настоящем исследовании приводится текст, восстановленный по машинописям фонда журнала «Новый мир» (РГАЛИ); делается вывод о характере правок и процессе взаимодействия автора и редактора.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, К.Г. Паустовский, «Книга скитаний», «Повесть о жизни», текстология.

Информация об авторе: Дарья Максимовна Борисова — магистр, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 117485 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025

Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Борисова Д.М. Образ М.А. Булгакова в творчестве К.Г. Паустовского // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 241–254.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254>

В автобиографическом цикле «Повесть о жизни» (1946–1963) К.Г. Паустовский создал литературный портрет М.А. Булгакова. Отразив важные вехи биографии писателя-современника, Паустовский дал глубокий анализ его творчества. Особое внимание было уделено еще не опубликованному роману «Мастер и Маргарита». В основе образа Булгакова лежали впечатления Паустовского от многих лет общения с ним самим и с его семьей. Взаимоотношения писателей прослеживаются по ряду источников: дневниковым заметкам, переписке, дарственным надписям на книгах, публицистическим и художественным текстам.

Паустовский познакомился с Булгаковым во время учебы в киевской Первой классической гимназии (1904–1912)¹. Гимназисты не стали близкими друзьями, возможно, из-за того, что Паустовский был младше на три класса². При этом их объединяли общие интересы: оба много читали, увлекались театром, участвовали в лодочных прогулках по Днепру. «Первое место на этих “вечерах на воде” принадлежало Булгакову. Он рассказывал нам необыкновенные истории. В них действительность так тесно переплеталась с выдумкой, что граница между ними начисто исчезала» [14, т. 7, с. 521], — вспоминал Паустовский в статье «Булгаков и театр» (1962).

После гимназии пути писателей разошлись. В 1923 году Паустовский и Булгаков встретились в Москве. Чаще всего писатели виделись в Доме труда (Воспитательный дом на Москворецкой набережной), где находились редакции газет и журналов. Булгаков был штатным сотрудником газеты «Гудок» (1922–1926). Паустовский, ранее сотрудничавший с «Гудком Закавказья», проработает в московской редакции всего два месяца и на всю жизнь сохранит воспоминания о «Четвертой полосе». Помимо этого, Булгаков и Паустовский часто встречались в соседней редакции газеты «На вахте». Писатели навещали друг друга. В декабре 1923 г. Паустовский посетил Булгакова в коммуналке на Большой Садовой (д. 10) (МЛМЦ КГП КП-2838/342). В начале следующего года Булгаков навестил Паустовского в подмосковном Пушкино, где тот снимал дачу (МЛМЦ КГП КП-2838/342)³.

Известно, что Паустовский высоко ценил не только талант Булгакова прозаика, но и драматургическое, и актерское его мастерство. В 1927 г. Паустовский был на спектакле «Дни Турбиных» (МЛМЦ КГП КП-2838/342), в 1934–1935 гг. — на постановке «Пиквикского клуба», в которой Булгаков был помощником режиссера, соавтором сценария и исполнителем роли председателя суда. Спектакли оставили у Паустовского незабываемые впечатления.

В 1943 г. — спустя три года после смерти Булгакова — Паустовский начинает тесно общаться с его вдовой, «очень культурной и славной “европейской женщиной”» [14, т. 9. с. 224]. Елена Сергеевна Булгакова вспоминала, что «много рассказывала» [7, с. 8] о супруге Паустовскому, который вошел в тесный круг людей, прочитавших неопубликованные произведения Булгакова. Паустовский же презентовал Е.С. Булга-

¹ В 1909–1910 гг. Паустовский по семейным обстоятельствам жил у дяди в Брянске и учился в местной гимназии.

² Паустовский (1892–1968) был всего на год младше Булгакова (1891–1940), однако поступил в гимназию со второго раза.

³ Точная дата встречи в дневниках Паустовского не указана, но известно, что запись сделана не ранее 27 января 1924 г., поскольку ей предшествует упоминание о похоронах Ленина.

ковой свои книги («Михайловские рощи», «Далекие годы», «Избранное») с дарственными надписями (Фонд М.А. Булгакова РГБ (Ф. 562-45-8, Ф. 562-45-9, Ф. 562-45-10)). Находясь в гостях у общего знакомого, К.А. Федина, писатель посвятил жене Булгакова мадригал «Хоть Вы не киевлянка, но выпьем все ж за Киев...» (Государственный музей К.А. Федина, ГМФ 31464).

Нам удалось выяснить, что Паустовский был союзником Е.С. Булгаковой в борьбе за литературное наследие ее супруга. Попытки издания прозы Булгакова и выход произведений Паустовского с упоминаниями о нем (приходится на одно время. 22 марта 1946 г. писатель, выступая с беседой на тему «Рассказ как жанр художественной литературы», упомянул Булгакова среди выпускников своей гимназии, «причастных к искусству и литературе» [13, с. 365]. В книге «Далекие годы», вышедшей в этом же году, автор дает художественный портрет Булгакова-гимназиста. Летом Булгакова подготовила «Мастера и Маргариту» к печати и «через знакомую портниху» [2, с. 419] передала письмо для И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву. Личный помощник вождя обнадежил Е.С. Булгакову, однако после выхода «Постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.) публикация романа стала невозможной.

Борьба возобновилась в «оттепельные» 1960 гг. В 1962 г. вышла статья Паустовского «Булгаков и театр» с цитатами из «Театрального романа» и упоминанием «Мастера и Маргариты» — «самой значительной» «прозаической вещи» [14, т. 7, с. 529] писателя⁴ [12, с. 28–31]. В очерке «Ярослав Ивашкевич» (1963) имя Булгакова вновь появляется в ряду «прославившихся <...> в области искусства» [14, т. 7, С. 533] выпускников киевских гимназий. В том же году в «Новом мире» (№ 10-11) вышел роман «Книга скитаний» («На медленном огне»), где описана жизнь Булгакова с юности и до кончины. Таким образом, Паустовский стремился вернуть читателям хотя бы имя писателя, как ранее помогал вернуть из безвестности наследие Александра Грина⁵.

В благодарность за труды в 1963 г. Паустовский получил «Записки юного врача» с дарственной надписью: «Дорогому Константину Георгиевичу от Елены Булгаковой» (МЛМЦ КГ КП — 3192-44_1). Позже Булгакова прислала ему вторую часть журнального варианта «Мастера и Маргариты» с «пожеланием <...> здоровья» и «сердечным приветом» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 680). Публикация 1966–1967 гг. вызвала настоящий «булгаковский бум», открыв путь другим изданиям и сделав писателя известным во всем мире. Многолетняя борьба за возвращение прозы Булгакова читателю закончилась победой — и свою роль в этом сыграл художественный образ писателя, созданный Паустовским.

В книге «Далекие годы» (1946), посвященной детству и юности автобиографического героя, Булгаков впервые появляется в главе «Осенние бои». Рассказчик наблюдает традиционные драки между «аристократическим» первым и «демократическим» вторым отделениями гимназии.

Портрет юного Булгакова — одного из участников этих «сражений» — нарисован несколькими выразительными штрихами: «задорно вздернутый нос», «золотой веночек <...> растрепанных волос» [14, т. 4, с. 167]. В бытовой, окрашенной мягким юмо-

⁴ Из письма Булгаковой Паустовскому мы узнаем, что в редакции журнала статью «покоржили» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 680). Вероятно, полный текст был более «крамольным», чем появившийся в печати.

⁵ Паустовский был близко знаком со вдовой писателя Н.Н. Грин, вместе с ней подготовил к изданию «Рассказы» (1940) Грина. Писатель посвятил Грину главу «Сказочник» в книге «Черное море» (1935), очерк «Жизнь Александра Грина» (1939), статью-предисловие к «Алым парусам» («Волшебник», 1959), главу «Александр Грин» в «Золотой розе» (1955).

ром сценке проявляется решительный характер будущего писателя: «Он врезался в бой в самые опасные места. Победа носилась следом за ним...» [14, т. 4, с. 167] Булгаков вызывал восхищение у мечтательного и застенчивого рассказчика, не принимающего участия в драках. «Оболтусы из первого отделения» [14, т. 4, с. 167] распускали слухи, будто он пользуется пряжкой от ремня — однако этому не верили ни остальные гимназисты, ни начальство. Впоследствии соученик будущего писателя Е.Б. Букреев подтвердит, что Булгаков действительно «был непременным участником драк» [7, с. 21]. При этом он не отличался большой физической силой. Изображая Булгакова «в первых рядах победителей», Паустовский прибегает к художественному преувеличению. Автору важно показать юного писателя прирожденным бойцом, человеком рыцарски храбрым и благородным. Изображение «осенних боев» становится как бы прелюдией к предстоящей борьбе Булгакова с недоброжелателями и клеветниками.

В главе «Господа гимназисты» автобиографический герой смотрит на писателя глазами умудренного опытом человека, исследует характер Булгакова и среду, в которой сформировалась его личность.

Рассказчик отмечает, что Булгакову-гимназисту не прочили литературную славу — впрочем, «кто мог знать, что получится из <...> юношей в выгоревших фуражках, всегда готовых ко всяческим выходкам, насмешкам и спорам»? [14, т. 4, с. 176] Вспоминая юные годы, Паустовский отмечает в будущем писателе задатки фантаста и сатирика: остроумие, чувство юмора, склонность к розыгрышам и мистификациям, умение подмечать мельчайшие детали внешности и характера, создавать гротескные, фантастические образы. Подчеркивается продолжение Булгаковым гоголевских традиций: «Какой-нибудь выцветший надзиратель “Шпонька”, попадая в круг булгаковских выдумок <...>, вырастал до размеров Собакевича» [14, т. 4, с. 176]: На формирование литературного таланта Булгакова, как отмечает автобиографический герой, оказали влияние высокий уровень образования в гимназии, культурные традиции Киева, наконец, сама эпоха. Рассказчик вспоминает о концертах и «великолепных <...> театрах», «повальном <...> увлечении философией и поэзией» и «знаменитой библиотеке Идзиковского на Крещатике» [14, т. 4, с. 177] с книгами на разных языках. Рассказчик отмечает совпадение своих и булгаковских воспоминаний о Киеве, точность передачи атмосферы. В «Белой гвардии» писатель с радостью «узнал вестибюль нашей гимназии и сторожа Максима <...>. За кулисами театра зашелестели наши осенние киевские каштаны» [14, т. 4, с. 176].

В «Книге скитаний» автобиографический герой, вернувшийся в Москву из долгих странствий, проходит путь от газетчика до профессионального писателя. Особый интерес для исследователей представляют изображение литературного процесса 1920–1930 гг. и портреты современников, среди которых Булгаков занимает особое место.

В главе «Четвертая полоса» рассказчик работает в московском «Гудке». Литературный отдел газеты запомнился Паустовскому неповторимой творческой атмосферой:

В комнате <...> сидели за длинными редакционными столами самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве — сотрудники «Гудка» Илья Ильф, Олеша, Булгаков и Гехт. <...> Только очень находчивый человек мог безнаказанно появляться в этом гнезде иронии и выдерживать перекрестный огонь из-за столов. <...> В комнату иногда заходил «на огонек» Бабель. Очень учтиво входил Василий Регинин. <...> Часто шквалом врвался Шкловский...» [14, т. 5, с. 412]

Булгаков не выделен из компании остроумных и талантливых журналистов — напротив, его сатирический дар, мастерство рассказчика и богатство фантазии раскрываются через принадлежность к «могучей когорте» «гудковцев». Несомненно, такая оценка «гудковского» периода жизни писателя субъективна, обусловлена личным восприятием Паустовского. Для Булгакова сочинение фельетонов было не творчеством, а «литературной поденщиной». «Гудок» приносил небольшой заработок, но отнимал у писателя время, необходимое для создания серьезных произведений — повестей 20 гг. и романа «Белая гвардия». Кроме того, писатель не мог стать «своим» в компании молодых одесситов: он вырос в совершенно иной культуре и иначе смотрел на перемены в стране. Для Булгакова, замкнутого и скрытного, внешняя веселость была маской, самозащитой, помогающей противостоять жизненным трудностям.

Глава «Ночные поезда» начинается с рассказа о быте молодых журналистов и писателей начала 1920 гг. Сотрудники газет «Гудок» и «На вахте» жили «как попало и потому неважно»: в «узкой, как пенал, комнате при типографии» (Олеша и Ильф); «среди холодных сапожников» (Гехт); на «пустой, как сарай, и ледяной даче» [14, т. 5, с. 421] (автобиографический герой). Булгаков вынужден был поселиться «в темной и огромной, как скетинг-ринг, коммунальной квартире» [14, т. 5, с. 421] (Большая Садовая, 10). Условия, с которыми ему приходилось мириться в 1921–1924 гг., воссозданы с помощью одной детали: ночного пения соседского петуха, «смущавшего» [14, т. 5, с. 421] писателя. Паустовский делает отсылку к фельетону «Самогонное озеро» (1923), достоверно описывающему будни коммунальной квартиры № 50. Булгаков постоянно сталкивался со скандалами, пьянством и драками соседей, к тому же принесших с собой неуместные в городе привычки.

Глава «Снежные шапки» начинается с описания встречи писателей на даче в Пушкино. Паустовский рисует портрет Булгакова, резко контрастирующий с образом веселого и общительного фельетониста: «худой, печальный, с серыми внимательными глазами» [14, т. 5, с. 437], он сосредоточен, задумчив и даже в гостях ищет одиночества и тишины. «Старая, облезлая доха» [14, т. 5, с. 437] писателя, не раз упомянутая в воспоминаниях современников, свидетельствует о нищете и неустроенности его жизни. Печаль Булгакова, несомненно, связана и с горькими воспоминаниями, ставшими основой для создания «Белой гвардии».

Булгакову, как вспоминает рассказчик, было необходимо «посмотреть “снежные шапки”» «для одной из глав <...> романа» [14, т. 5, с. 437]. Судя по всему, писатель работал над описанием «белого, мохнатого декабря» и дома Турбиных, покрытого «шапкой белого генерала» [11, т. 1. с. 182–183]. Ради прорисовки пейзажа, передачи атмосферы тихого зимнего вечера и хрупкого покоя семьи Турбиных писатель целый день проходил по окрестностям. Все свидетельствует о скрупулезном выписывании художественного мира, внимании к мельчайшим подробностям и умении использовать их для создания литературных образов. Этот дар восхищает даже моряка-революционера Зузенко, работающего вместе с рассказчиком в газете «На вахте». Считая Булгакова «декадентом», журналист при этом называет его «чертовски талантливым типом»: «Добросовестно себя тренирует <...>. Натаскивает себя на впечатления. Мастак!» [14, т. 5, с. 437] Приводя высокую оценку человека, совершенно не близкого Булгакову, Паустовский подчеркивает всепобеждающую силу художественного дарования.

Размышляя о природе булгаковского таланта, автобиографический герой возвращается к гимназическим воспоминаниям. Вновь отмечается рано проявившийся дар Булгакова-сатирика, не боявшегося прогневить начальство. Сочиненные им прозвища

были такими точными и «припечатывающими» [14, т. 5, с. 438], что даже инспектор Бодянский, упрекая гимназиста в неуважении к директору гимназии, не мог не оценить остроумие будущего писателя. В прозе 20 гг. присущие Булгакову «непримиримая насмешка и гротеск достигали разящей силы» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59). Упомянув «Белую гвардию», Паустовский пишет и о семье Булгаковых — «огромной, разветвленной, насквозь интеллигентной», с «большими культурными и трудовыми традициями» [14, т. 5, с. 438]. Рассказчик отмечает, что в «Доме Турбиных» часто звучали музыка и пение, а в семейном укладе было «что-то театральное» [14, т. 5, с. 438]. Обращаясь к читателям, Паустовский предлагает изучать историю страны через историю таких семейств, становившихся практически «культурными центрами».

От воспоминаний писатель переходит к обзору творчества Булгакова. Вкратце рассказывая об «ошеломлении» [14, т. 5, с. 438], вызванном булгаковской прозой 1920 гг., Паустовский заостряет внимание на «странной и тяжелой судьбе» [14, т. 5, с. 439] писателя. Булгаков показан непризнанным и гонимым гением. Паустовский обращает внимание на то, что «Дни Турбиных» «пережили много перипетий, запретов, преследований» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59); пьеса «Мольер» («Кабала святош») была снята с репертуара; прозу перестали печатать «по указанию свыше» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60) — здесь явный намек на вмешательство «вождя народов». В письме к правительству Булгаков «настаивал на единственном и священном праве писателя — праве печататься и тем самым общаться со своим народом и служить ему всеми силами своего существа. Но ему было в этом праве отказано. Навсегда» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60). Отметим, что здесь дана художественная версия взаимоотношений Булгакова с властями: в 1930 г. телефонный разговор со Сталиным все-таки состоялся. Писатель получил работу в театре, хотя прозу по-прежнему не печатали. «С этой минуты жизнь Булгакова была обречена, — все последующие годы он не жил, а медленно угасал. Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60)⁶.

Рассказчик считает Сталина одним из главных виновников трагедии. При этом отношение самих Булгаковых к вождю было сложным. В.Я. Лакшин вспоминал, что Елена Сергеевна отнюдь не считала генсека врагом своего мужа: «Он был могучей силой, злой силой, но относился к Булгакову <...> если не с сочувствием, то с уважением и тайным любопытством. Похоже, что так же временами думал и сам Михаил Афанасьевич» [1, с. 419]. Именно поэтому вдова писателя связывала надежды на публикацию булгаковской прозы с обращением к Сталину.

Паустовский привлекает внимание читателя к неизданным произведениям — «Запискам покойника» и «Мастеру и Маргарите». Роман назван «самым значительным произведением Булгакова», произведением о схожей с авторской «судьбе писателя, которому не дано было в силу обстоятельств» творить «свободно и крылато, во весь размах своего таланта» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59). Булгаков вновь сопоставляется с Гоголем: «Горечь слез и смех сквозь слезы, <нрзб.> гоголевский смех звучит в этом романе» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59–60).

Говоря о поэтике комического у Булгакова, Паустовский отмечает парадокс: у писателя-сатирика — как и у любимого им Гоголя — был добрый талант. Симпатию рассказчика вызывает умение Булгакова, переживающего тяжелые времена, беззлобно

⁶ Булгаков умер от наследственного заболевания (гипертонический нефросклероз), однако переживания о судьбе литературного наследия, несомненно, сказывались на здоровье писателя.

посмеяться над собой и обстоятельствами. В фантастическом «анекдоте» о разговоре со Сталиным в Кремле Булгаков «лепит» фигуру вождя так, что «образ этот человечен, даже в какой-то мере симпатичен» [14, т. 5, с. 440].

Создавая образ Булгакова, Паустовский подчеркивал его внутреннюю свободу и достойное «писательское поведение»⁷ в эпоху жесткого контроля государства над литературой. Смелое письмо Булгакова правительству продиктовано сознанием «высокого достоинства русского писателя» [14, т. 5, с. 438]. В авторском тексте глава завершалась следующими словами: «Слушая этот рассказ Булгакова, невольно вспоминаешь рассказ Пушкина: “Ежели бы я был императором Николаем I-ым, то я бы вызвал к себе стихотворца Пушкина и сказал бы ему...”» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63) В оригинале поэт называл своим собеседником Александра Первого, однако в своей вольной передаче воображаемого разговора Паустовский указывает следующего по очереди правителя. Случайно ли это? Вероятнее всего, нет. И для интеллигенции рубежа веков, и для советских писателей Николай Первый олицетворял государство, стремящееся подчинить себе поэта. Автор сопоставляет «вождя народов» с самодержавным властителем, прибавив, что Булгаков «своим рассказом <...> завязал тугой узелок между собой и Пушкиным и поддержал традицию вольного обращения русских писателей к сильным мира сего» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63). Сопоставление двух писателей, живших в разные эпохи, показывало, что при любом правительстве и строе талантливый человек должен не терять чувство собственного достоинства.

Созданный Паустовским образ Булгакова существенно отличался от официальных представлений о нем. Лакшин вспоминал, что в первой половине 50 гг. даже в среде филологов «за Булгаковым была стойкая репутация “забытого писателя”» [3, с. 7]; из произведений автора собеседники вспоминали только «Дни Турбиных». В статье «Краткой литературной энциклопедии» (Ю.А. Оснос) содержались достаточно полные на тот момент сведения о драматургии и прозе Булгакова. При этом острота сатиры 20 гг. объяснялась неспособностью писателя «разглядеть истинное лицо времени» «за “гримасами нэпа”» [4, с. 769]; «Белая гвардия», «Дни Турбиных» и «Бег» трактовались как изображение «обреченности» [4, с. 769] и «внутреннего кризиса» [4, с. 770] белого движения.

В «Повести о жизни» Булгаков — непонятый и гонимый современниками гений, достойный продолжатель традиций русской классики, наследник Пушкина и Гоголя. Рисуя характер современника, автор раскрывает перед читателем лучшие качества Булгакова: мужество, свободу мысли, чувство собственного достоинства и верность себе в любых обстоятельствах. Некоторая романтизация и идеализация образа, несомненно, связаны и с личными отношениями писателей, и со свойственными Паустовскому художественными принципами изображения мира и человека.

Решение Паустовского послать машинопись «Книги скитаний» в «Новый мир» было, вероятно, продиктовано репутацией журнала. В 1960 гг. «Новый мир» под руководством А.Т. Твардовского стал — как считается — самым свободным литературным журналом «оттепели». При этом с момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» (1962) «Новый мир» находился под пристальным вниманием Главлита. Редакции журнала приходилось постоянно бороться за материал. За весь 1963 г. только первый номер вышел в положенный срок. Остальные задерживались из-за цензурных запретов, а все материалы четвертого номера были и вовсе заменены [6, с. 173]. Твардовскому

⁷ Выражение М. Пришвина

и его команде приходилось балансировать между стремлением опубликовать произведение и опасением погубить журнал.

В «Новом мире» из «Книги скитаний» постарались исключить самые «опасные» фрагменты. Наиболее серьезные изменения постигли главу «Снежные шапки». Редактор отчеркивал простым карандашом абзацы, посвященные неизданным произведениям, драматичным историям постановок булгаковских пьес, несостоявшемуся диалогу со Сталиным, размышлениям о сложности взаимоотношений власти и писателя.

С частью замечаний Паустовский соглашался сразу, вычеркивая слово или целый кусок текста. Например, размышления о пушкинской традиции «вольного обращения русских писателей к сильным мира сего» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63) были слишком злободневными. Однако наиболее значимые фрагменты он старался сохранить, сокращая текст и смягчая формулировки. Паустовский долго боролся за фрагмент о романе «Мастер и Маргарита». Автор вычеркнул слова о том, что произведение остается неопубликованным, а самореализации главного героя мешали «обстоятельства» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59) той эпохи. Но редактор из осторожности настоял на исключении всякого упоминания о романе — и писателю пришлось идти на уступки, чтобы сохранить главу. Вместе с тем «анекдот» о разговоре в Кремле практически не пострадал (исключено и заменено всего несколько слов). Рассказ о письме Булгакова Сталину удалось отстоять, пожертвовав значительной частью текста, — были сняты обвинения властей в смерти писателя и критика цензуры («Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа») (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60).

Вынужденное изъятие ряда фрагментов обеднило текст, в ряде случаев — нарушило авторскую логику, сделало повествование «рванным». «Книга скитаний» до сих пор не выходила в полном объеме, хотя во многих произведениях советской эпохи купюры были впоследствии восстановлены. Будем надеяться, что пришло время публикации полного, авторского варианта произведения.

Приложение

Паустовский К.Г. Книга скитаний (На медленном огне) Снежные шапки

*Восстановленный авторский текст (РГАЛИ. Ф. 1702. «Новый мир». Оп. 10.
Ед. хр. 860)*

Как-то ближе к весне, тихим и снежным днем ко мне в Пушкино приехал Булгаков. Он писал в то время роман «Белая гвардия», и ему для одной из глав этого романа нужно было обязательно посмотреть «снежные шапки» — те маленькие сугробы снега, что за долгую зиму накапливаются на крышах, заборах и толстых ветвях деревьев.

Весь день Булгаков бродил по пустынному в тот год Пушкину, долго стоял, смотрел, запахивая старую, облезлую доху, — высокий, худой, печальный, с внимательными серыми глазами.

— Хорошо! — говорил он. — Вот это мне и нужно. В этих шапках как будто собрана вся зимняя тишина.

— Декадент! — сказал о Булгакове Зузенко. — Но, видно, чертовски талантливый тип. Добросовестно себя тренирует.

Что он этим хотел сказать? Я не понял. Тогда Зузенко столь же неясно и неохотно объяснил:

— Натаскивает себя на впечатления. Мастак!

Пожалуй, в этом он был прав. Булгаков был жаден до всего, если можно так выразиться, выпуклого в окружающей жизни.

Все, что выдавалось над ее плоскостью, будь то человек или одно какое-нибудь его свойство, удивительный поступок, непривычная мысль, внезапно замеченная мелочь (вроде согнутых от сквозняка под прямым углом язычков свечей на театральной рампе), — все это он схватывал без всякого усилия и применял и в прозе, и в пьесах, и в обыкновенном разговоре. Может быть, поэтому никто не давал таких едких и «припечатывающих» прозвищ, как Булгаков. Особенно отличался он этим в Первой киевской гимназии, где мы вместе учились.

— Ядовитый имеете глаз и вредный язык, — с сокрушением говорил Булгакову инспектор Бодянский. — Прямо рветесь на скандал, хотя и выросли в почтенном профессорском семействе. Это ж надо придумать! Ученик вверенной нашему директору гимназии обозвал этого самого директора «Маслобоем»! Неприличие какое! И срам!

Глаза при этом у Бодянского смеялись.

Семья Булгаковых была хорошо известна в Киеве — огромная, разветвленная, насквозь интеллигентная семья.

Было в этой семье что-то чеховское от «Трех сестер» и что-то театральное.

Булгаковы жили на спуске к Подолу против Андреевской церкви — в очень живописном киевском закоулке.

За окнами их квартиры постоянно слышались звуки рояля и даже пронзительной валторны, голоса молодежи, беготня и смех, споры и пение.

Такие семьи с большими культурными и трудовыми традициями были украшением провинциальной жизни, своего рода очагами передовой мысли.

Не знаю, почему до сих пор не нашлось исследователя (может быть, потому, что это слишком трудно), который проследил бы жизнь таких семей и раскрыл бы их значение хотя бы для одного какого-нибудь города — Саратова, Киева или Вологды. То была бы не только ценная, но и увлекательная книга по истории русской культуры.

После гимназии я потерял Булгакова из виду, и мы снова встретились только теперь в редакции «Гудка».

В ту зиму Булгаков писал свои острые рассказы, где [непримиримая] насмешка и гротеск достигали разящей силы.

Я помню то ошеломление, какое вызвали такие статьи и рассказы Булгакова, как «Записки на манжетах», «Роковые яйца», «Дьяволиада» и «Похождения Чичикова. (Поэма в двух пунктах с прологом и эпилогом)».

Художественный театр предложил Булгакову на основе его романа «Белая гвардия» написать пьесу. Булгаков согласился. Так появились «Дни Турбиных», [составившие эпоху в истории нашего театра].

Многострадальная и блестящая пьеса пережила много перипетий, запретов, [преследований], но победила всех талантливостью и драматургической силой. [Мучительная для автора история постановки этой пьесы в МХАТе была описана Булгаковым в посмертной, оставшейся в рукописи повести «Записки покойника»].

В ходе этой постановки возникло много гротескных, почти невероятных подробностей. Гофманиада сопровождала Булгакова всю его жизнь.

[Но, конечно, самым значительным произведением Булгакова (помимо прекрасных его пьес) был неопубликованный роман «Мастер и Маргарита».

Роман причудливый, полный блеска и напряженных человеческих чувств, трагических случаев, убийственной иронии и нескрываемой нежности. Роман о появлении Фауста в Советской Москве и о любви. Роман о судьбе писателя, которому не дано было в силу обстоятельств свободно и крылато, во весь размах своего таланта, высказать себя в самых сильных своих качествах.

Горечь слез и смех сквозь слезы, <нрзб.> гоголевский смех звучит в этом романе]. Недаром любимым писателем Булгакова был Гоголь. Не тот истолкованный по-казенному Гоголь, которого мы принесли в жизнь [со школьной]⁸ скамьи, а неистовый фантаст, безмерно пугающий людей то своим восторгом, то сардоническим хохотом, то фантастическим воображением, от которого стынет кровь.

Гоголь всегда как бы стоит позади читателей и своих героев и пристально смотрит им в спину. И все оглядываются, боясь его всепроницающего взгляда, а оглянувшись, вдруг с облегчением замечают на глазах Гоголя слезы восхищения чем-то столь прекрасным, как сверкающее италийское небо над Римом или бешеный раскат русской тройки по ковыльным степям.

У Булгакова была странная и тяжелая судьба. [Он был писателем, которому позволялось дышать не до конца, а наполовину. Но вскоре его дыхание было совсем остановлено].

МХАТ играл только его старые пьесы. После семи представлений новая пьеса «Мольер» была запрещена. Прозу его [по указанию свыше] перестали печатать.

Он очень страдал от этого, мучился и, наконец, не выдержал и написал письмо Сталину, полное высокого достоинства русского писателя. В этом письме он настаивал на единственном и священном праве писателя — праве печататься и тем самым общаться со своим народом и служить ему всеми силами своего существа.

[Но ему было в этом праве отказано. Навсегда.

С этой минуты жизнь Булгакова была обречена, — все последующие годы он не жил, а медленно угасал.

Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа]⁹.

Булгаков тосковал. Он не мог остановить своих писательских мыслей. Не мог выбросить на свалку свое воображение. Худшей казни нет и не может быть для пишущего человека.

Лишенный возможности печататься, он выдумывал для своих близких людей удивительные рассказы — и грустные, и шуточные. Он рассказывал их дома, за чайным столом.

К сожалению, только небольшая часть этих рассказов сохранилась в памяти. Большинство их забылось, или, выражаясь старомодно, «кануло в Лету».

В детстве я очень ясно представлял себе эту Лету — медленную подземную реку с черной водой, в которой очень долго, но безвозвратно тонули, как будто угасали, любые предметы, люди и даже человеческие голоса.

Я помню один такой рассказ.

Булгаков якобы пишет каждый день Сталину длинные и загадочные письма и подписывается: «Тарзан».

Сталин каждый раз удивляется и даже несколько пугается. Он любопытен, как и все люди, и требует, чтобы Берия немедленно нашел и доставил к нему автора

⁸ В опубликованном варианте — «гимназической».

⁹ В опубликованном варианте: «Ответа он не получил».

этих писем. Сталин сердится: «Развели в органах тунеядцев, а одного человека словить не можете!»

Наконец Булгаков пойман и доставлен в Кремль. Сталин пристально, даже с некоторым доброжелательством его рассматривает, раскуривает трубку и спрашивает не торопясь:

— Это вы мне эти письма пишете?

— Да, я, Иосиф Виссарионович.

Молчание.

— А что такое, Иосиф Виссарионович? — спрашивает обеспокоенный Булгаков.

— Да ничего. Интересно пишете.

Молчание.

— Так, значит, это вы — Булгаков?

— Да, это я, Иосиф Виссарионович.

— Почему брюки заштопанные, туфли рваные? Ай, нехорошо! Совсем нехорошо!

— Да так... Зарботки вроде скудные, Иосиф Виссарионович.

Сталин поворачивается к наркому снабжения:

— Чего ты сидишь, смотришь? Не можешь одеть человека? Воровать у тебя [все] могут, а одеть одного писателя не могут! Ты чего побледнел? Испугался? Немедленно одеть. В габардин! А ты, [маршал], чего сидишь? Усы себе крутишь? Ишь, какие надел сапоги! Снимай сейчас же сапоги, отдай человеку. Все тебе сказать надо, сам ничего не соображаешь!

И вот Булгаков одет, обут, сыт, начинает ходить в Кремль, и у него завязывается со Сталиным неожиданная дружба. Сталин иногда грустит и в такие минуты жалуется Булгакову:

— Понимаешь, Миша, все кричат: гениальный, гениальный! А не с кем даже коньяку выпить!

Так постепенно, черта за чертой, крупица за крупицей идет у Булгакова [удивительная] лепка образа Сталина. И такова добрая сила булгаковского таланта, что образ этот человечен, даже в какой-то мере симпатичен. Невольно забываешь, что Булгаков рассказывает о том, кто [нанес ему удар в сердце]¹⁰.

Однажды Булгаков приходит к Сталину, усталый, унылый.

— Садись, Миша. Чего ты грустный? В чем дело?

— Да вот пьесу написал.

— Так радоваться надо, когда целую пьесу написал. Зачем грустный?

— Театры не ставят, Иосиф Виссарионович.

— А где бы ты хотел поставить?

— Да конечно, в МХАТе, Иосиф Виссарионович.

— Театры допускают безобразие! Не волнуйся, Миша. Садись. — Сталин берет телефонную трубку:

— Барышня! А барышня! Дайте мне МХАТ! МХАТ мне дайте! Это кто? Директор? Слушайте, это Сталин говорит. Алло! Слушайте!

Сталин начинает сердиться и сильно дуть в трубку.

— [Сволочи]¹¹ там сидят в Наркомате связи. Всегда у них телефон барахлит. Барышня, дайте мне еще раз МХАТ. Еще раз, русским языком вам говорю! Это кто!

¹⁰ В опубликованном варианте — «принес ему столько горя».

¹¹ В опубликованном варианте — «дураки».

МХАТ? Слушайте, только не бросайте трубку! Это Сталин говорит. Не бросайте. Где директор? Как? Умер? Только что? Скажи, пожалуйста, какой нервный народ пошел! Пошутить нельзя!

[Слушая этот рассказ Булгакова, невольно вспоминаешь рассказ Пушкина: «Ежели бы я был императором Николаем I-ым, то я бы вызвал к себе стихотворца Пушкина и сказал бы ему...». Этим своим рассказом Булгаков завязал тугой узелок между собой и Пушкиным и поддержал традицию вольного обращения русских писателей к сильным мира сего].

Список литературы:

Исследования

- 1 *Лакшин В.Я.* Булгакиада // *Лакшин В.Я.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. С. 409–446.
- 2 *Лакшин В.Я.* Елена Сергеевна рассказывает... // Воспоминания о М. Булгакове: сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 412–420.
- 3 *Лакшин В.Я.* Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о М. Булгакове: сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 7–37.
- 4 *Оснос Ю.А.* Булгаков М. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1: Аарне — Гаврилов. Стб. 769–770.
- 5 *Скороходов М.В.* К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 261–289. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289>
- 6 *Тазеева-Гриценко Т.Н.* Журнал «Новый мир» сквозь призму его тиража (1960 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 171–182.
- 7 *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 671 с.
- 8 *Яновская Л.М.* Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева, Л. Яновской; вступ. ст. Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. С. 5–31. (Серия «Из рукописного наследия»)
- 9 *Яновская Л.М.* Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. 413 с.
- 10 *Яновская Л.М.* Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983. 320 с.

Источники

- 11 *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах / редколлегия: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; вступ. ст. В. Лакшина; подгот. текста М. Чудаковой; коммент. Я. Лурье, А. Рогинского («Белая гвардия»), М. Чудаковой. 623 с.
- 12 *Паустовский К.Г.* Булгаков и театр // Театральная жизнь. 1962. № 14. С. 28–31.
- 13 *Паустовский К.Г.* Наедине с осенью: Портреты, воспоминания, очерки. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1972. 448 с.
- 14 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. / [вступ. ст. Г. Трефиловой; примеч. Л. Левицкого; худож. Е. Гольдин]. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 738 с. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. 594 с. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7. 578 с. М.: Худож. лит., 1986. Т. 9. 546 с.

© 2025. Darya M. Borisova
Moscow, Russia

THE IMAGE OF M.A. BULGAKOV
IN K.G. PAUSTOVSKY'S "THE STORY OF A LIFE"

Acknowledgements: The Work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, Project no. 24-28-01479 "Textological Issues of Konstantin Paustovsky's Work: The Story of a Life" (Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01479/>).

The author expresses her thanks to the staff of the K.G. Paustovsky Museum (Moscow) for their help in the work.

Abstract: K.G. Paustovsky knew M.A. Bulgakov from the time of his studies at the Kiev First Gymnasium (1904–1912). We have restored the circumstances of communication between the writers and further relations between Paustovsky and Elena Bulgakova on the basis of the analysis of ego-documents. Paustovsky always remained an admirer of this writer's talent, promoted the return of Bulgakov's creative heritage to readers, and repeatedly mentioned him in his prose fiction and journalism, invariably inscribing him among the recognized classics.

K.G. Paustovsky's main creation "The Story of a Life" is of particular interest to researchers. The author presented an artistic biography of Bulgakov in the volumes "The Faraway Years (Childhood and Schooldays)" (1946) and "The Restless Years" (1963). Paustovsky gave an overview of the writer's career and created the image of a genius, misunderstood and unrecognised by his era. The chapter "Snow Caps" ("The Restless Years") devoted to the writer's creative path was subjected to significant censorship cuts and subsequently was not published in the author's version. The study presents the text restored from the typescripts of the "Novy Mir" journal (RGALI); it concludes on the nature of the edits and the process of interaction between the author and the editor.

Keywords: M.A. Bulgakov, K.G. Paustovsky, "The Faraway Years", "Story of a Life — Childhood and Schooldays", "The Restless Years", Textual Criticism.

Information about the author: Darya M. Borisova — Master's Degree, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 117485 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Received: January 01, 2025

Approved after reviewing: September 13, 2025

Date of publication: September 25, 2025

For citation: Borisova, D.M. "Image of M.A. Bulgakov in the Work of K.G. Paustovsky." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 241–254. (In Russ.)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254>

References

- 1 Lakshin, V.Ia. “Bulgakiada” [“Bulgakiada”]. Lakshin, V.Ia. *Otkrytaia dver': Vospominaniia i portrety* [Open Door: Memories and Portraits]. Moscow, M.: Moskovskii rabochii Publ., 1989, pp. 409–446. (In Russ.)
- 2 Lakshin, V.Ia. “Elena Sergeevna rasskazyvaet...” [“Elena Sergeevna Tells”]. *Vospominaniia o M. Bulgakove* [Memories of M. Bulgakov]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988, pp. 412–420. (In Russ.)
- 3 Lakshin, V.Ia. “Sud'ba Bulgakova: legenda i byl” [“Bulgakov's Fate: Legend and True Story”]. *Vospominaniia o M. Bulgakove* [Memories of M. Bulgakov]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988, pp. 7–37. (In Russ.)
- 4 Osnos, Iu.A. “Bulgakov M.” *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Short Literary Encyclopedia], ed. A.A. Surkov, vol. 1: Aarne — Gavrillov. Moscow, Sov. entsiklopediia Publ., 1962, col. 769–770. (In Russ.)
- 5 Skorokhodov, M.V. “K voprosu o pechatnykh istochnikakh 6-i chasti ‘Povesti o zhizni’ K.G. Paustovskogo ‘Na medlennom ognе. (Kniga skitanii)’” [“On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of the ‘The Story of a Life’ by K.G. Paustovsky ‘On a Slow Fire. (The Book of Wanderings)’”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 261–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289>
- 6 Tazeeva-Gritsenko, T.N. “Zhurnal ‘Novyi mir’ skvoz' prizmu ego tirazha (1960-e gg.)” [“Novy Mir’ through the Prism of its Circulation (1960s)”]. *Vestnik RGGU. Series: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia* [Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], no. 11, 2008, pp. 171–182. (In Russ.)
- 7 Chudakova, M.O. “Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova” [The Biography of Mikhail Bulgakov], 2nd ed. Moscow, Kniga Publ., 1988. 671 p. (In Russ.)
- 8 Ianovskaia, L.M. “Elena Bulgakova, ee dnevniki, ee vospominaniia” [“Elena Bulgakova, Her Diaries, Her Memoirs”]. *Dnevnik Eleny Bulgakovoi* [The Diary of Elena Bulgakova], comp., text prep., comm. by V. Losev, L. Ianovskaia. Moscow, Knizhnaia palata, 1990, pp. 5–31. (Seriia “Iz rukopisnogo naslediia” [The series “From the Manuscript Heritage”]) (In Russ.)
- 9 Ianovskaia, L.M. “Zapiski o Mikhaile Bulgakove” [Notes on Mikhail Bulgakov]. Moscow, Tekst Publ., 2007. 413 p. (In Russ.)
- 10 Ianovskaia, L.M. “Tvorcheskii put' Mikhaila Bulgakova” [Mikhail Bulgakov's Creative Path]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 320 p. (In Russ.)